

**ОЛЕГ
МАТВЕЙЧЕВ**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ XXI ВЕКА

**«МЯГКАЯ СИЛА»
ПРОТИВ АТОМНОЙ БОМБЫ**

Олег Анатольевич Матвейчев

Информационные войны

XXI века. «Мягкая сила»

против атомной бомбы

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23318430

*Информационные войны XXI века. «Мягкая сила» против атомной
бомбы: Книжный мир; М.; 2016
ISBN 978-5-8041-0865-7*

Аннотация

Каковы теория, стратегия и тактика информационных войн XXI века? Как с помощью «мягкой силы» можно покорить планету? Кто такая элита, чем она отличается от остальных слоёв общества и какую роль играет в государстве? Что такое геополитика, в чем заключаются основные геополитические концепции прошлого и настоящего? Почему выход СССР в космос стал наилучшим шагом в мировой геополитике? Что такое консерватизм и почему он столь важен для современного общества? В основу этой книги лёг цикл лекций известного российского политолога Олега Матвейчева. Простым разговорным языком она рассказывает о сложнейших и интереснейших явлениях, которые формируют наш мир.

Содержание

Предисловие	5
О пользе и вреде геополитики	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Матвейчев
Информационные войны
XXI века. «Мягкая сила»
против атомной бомбы

© Матвейчев О.А., 2016

© Книжный мир, 2016

Предисловие

В данную книгу вошли лекции, прочитанные в период с 2006 по 2014 гг. в молодежных лагерях «Селигер», «Таврида», в Школе Эффективных коммуникаций «Репное», молодежном движении «Сеть» и др. Также вошли ответы на вопросы, задаваемые после лекций и в социальных сетях, после публикации данных материалов.

О пользе и вреде геополитики

Сегодняшняя лекция будет посвящена геополитике. Геополитика это наука, которая определяет важность географических факторов и их влияние на политику государств и достижение ими своих целей. Вот в самом простом варианте определение такое. Конечно, существуют десятки других определений, самых разных, которые даны различными учеными. Но первично, когда создавалась эта наука, когда впервые вводилось это понятие, оно определялось примерно так.

Термин сам введен был шведским ученым Челленом, который сам по себе как таковой не внес большого вклада в геополитику. А в дальнейшем термин геополитика использовался и был больше всего связан, ассоциировался всегда, с Маккиндером, английским ученым, который, в общем-то, и является общепризнанным отцом геополитики. Поэтому игнорировать его мы не можем. Он дал основные понятия геополитики. Он определил и область ее действия, и основные аксиомы, которые используются в этой науке до сих пор. Ну и у него же содержались какие-то такие узлы, с которыми спорили последующие ученые. И, в общем-то, в любом случае, это фундамент на котором все стоит.

Маккиндер заявляет о том, что география и политика связаны, и что сила государств зависит от их географического положения. Элементарная, в общем-то, вещь, которая бы-

ла понятна всем политикам, всем вождям, монархам, полководцам, в различные периоды истории, но не была никак систематизирована в каких-то книгах, научных статьях. Поэтому только в XIX веке наука геополитика и развивается, хотя геополитическая практика, естественно, существует тысячелетия. Различные государства воевали между собой, использовали географическое положение. Различные советники, безусловно, знали о том, что география много решает в их политических вопросах. Но теории не было. И вот теорию эту попытался сформулировать Маккиндер, чтобы понять, чем пользовались мудрецы, чем пользовались советники на протяжении тысячелетий, из чего они исходили. Поскольку Маккиндер был преподавателем и профессором географии, он по-своему представлял некие географические карты, и когда он взял глобус, нашу Землю, он обнаружил, что все на нашей планете, которая уже, в общем-то, оформилась, открыто. История географических открытий кончилась, нет никаких новых америк. Все, глобус уже полностью замкнут. Так вот, на этом глобусе существует мировая суша, единая, и мировые острова. Мировая суша это Евразия, гигантский материк, к которой, в принципе, прилегает Африка и прилегает Австралия, кусочек отколовшийся, который можно и островом рассматривать, он не самостоятельный. А вот мировые острова это, прежде всего, Северная и Южная Америки, с ведущей ролью Северной Америки.

Итак, материк и острова. Вот уже есть первое деление.

Естественно что, поскольку на вот этом гигантском материке все находится, Маккиндер смотрит на техническое развитие, на культурное развитие, и понимает, что у этого материка тоже есть периферия. И Китай, и Индия, и Африка, в целом, и Европа, это как бы периферия. Вот есть центральная часть, так называемая, «материковая сердцевина», которая находится глубже всех, далеко от моря, и которая может распространять свое влияние, в дальнейшем, на весь этот самый материк. Эта сердцевина была названа Маккиндером хартлэнд, то есть «сердце земли», «сердце мира», или собственно, «материковая сердцевина», как ее везде и переводят. Это первое понятие, которое ввел Маккиндер и он вывел такую аксиому: **«Кто контролирует хартлэнд, тот контролирует мировую сушу. Кто контролирует мировую сушу, тот контролирует Землю»**. Дальше он начал изучать хартлэнд и пытался понять, а кто же контролирует хартлэнд. Что нужно для этого? И пришел к выводу что, тот, кто контролирует Восточную Европу, причем вместе с Уралом, тот контролирует хартлэнд. И таким образом в начале XX века Маккиндер пришел к тому, что Российская империя, которая к тому времени существовала, которая по большому счету занимала ту самую «материковую сердцевину», и является контролирующим государством, контролирующим мировую сушу, и, следовательно, имеющем все претензии на мировое будущее господство. Позже, когда Маккиндер был стар, когда уже возник СССР, после нашей революции, он, естественно,

отождествил этот хартлэнд и с СССР. Глядя на историю Российской империи он сказал, что крупнейшей победой Российской империи было присоединение Сибири, как большой значительной части этого хартлэнда. И собственно, после того, как Сибирь была присоединена, хартлэнд и Российская империя окончательно совпали, и окончательно оформились в качестве вот этой влияющей основы мира. Естественно, как англичанин, он не очень был рад такому своему открытию и он заговорил о том, что мы должны противостоять, то есть, Англия должна противостоять Российской империи в контроле над мировой сушей. Противостоять она может только одним способом: не давать расширяться, должна быть политика сдерживания. Для этого Маккиндер говорит о том, что мы должны установить санитарный кордон вокруг хартлэнда, так называемый «мировой полумесяц». Поскольку Российская империя не может быть атакована с севера, там Северный Ледовитый океан, и она как бы целиком развернута на остальную Евразию, то должен существовать полумесяц мировой, который будет ее огибать со всех сторон и который должен быть под контролем Англии. Некий санитарный кордон. Прежде всего, в этот полумесяц должна входить Западная Европа, должен входить Арабский Восток, и отсюда активная политика Англии на этом направлении. Союзнические отношения с Турцией. Естественно контроль Англии над Индией и сдерживание России в Китае, и желательно контроль Англии над Китаем. Собственно гово-

ря, в начале XX века так этот полумесяц и был. То есть, Англия, она всегда пыталась контролировать Китай. Помните Опиумные войны. Это все как раз из этой серии. Индия была колонией Британии. Турция постоянная союзница Великобритании. Арабский Восток был весь перекроен Англией. Ну и довольно сложные отношения у Англии с Западной Европой, которой Англия управляла с помощью различных ссор, по принципу «разделяй и властвуй». То есть, делала так, чтобы европейские государства использовали силу Англии в качестве арбитра в своих каких-то спорах. Напомним, что лорд Керзон, который был в то время министром в Англии, полностью придерживался теории Маккиндера, был большим его поклонником. Вот так осуществлялась английская политика в это время. Вот что, наверное, нам нужно знать о Маккиндере, как о самом главном, основном геополитике, который ввел вот эти основные понятия.

Человек, который писал практически одновременно с Маккиндером, с разницей в несколько лет, их книги и статьи в разное время выходили, но автор американский, Альфред Мэхэн, это второй отец геополитики, который посмотрел на всю ситуацию практически в этих же терминах, но с несколько иной позиции, с несколько иной оценкой. И который внес огромный вклад в геополитику, по сути дела, является ее вторым отцом-основателем. Там где мы говорим Маккиндер, мы обязательно говорим – Мэхэн. Без этого нельзя представлять геополитику. Это как говорится, два

брата, но не близнеца, конечно. Мэхэн написал книгу о влиянии морской мощи на силу государств. По сути дела, Мэхэн согласен с тем, что есть большой континент Евразия и вообще есть континентальные державы. Но, одновременно, он сказал, есть и морские державы. Прежде всего, это Англия, и собственно Мэхэн был впечатлен, прежде всего, успехами Англии в XVIII, и особенно в XIX веке. Тем, как Англия, маленький остров, оказался способен стать империей, в которой жило полмиллиарда человек, практически половина населения Земли на тот момент. Империей, над которой не заходило солнце, так считали, потому что колонии ее были от самого восточного Востока до самого западного Запада. Империя, которая правила всем. Но правила она, как поется в британском гимне, правила Британия морями, прежде всего. И именно за счет того, что она правила морями, она правила сушей, она правила миром. Она богатела, она имела самые большие колонии, и без нее не решался никакой вопрос и на суше. Какие бы войны ни были между континентальными государствами, Англия везде участвовала, принимала решения, и, в общем-то, вопросы зачастую решались так, как хотела именно Англия. Это действительно была сверхдержава, самая могущественная на планете, которую мы сейчас знаем, потому что даже нынешняя Америка вряд ли сравнится по своему могуществу с могуществом Англии в XIX веке. Что говорит, собственно, Мэхэн? Морские державы контролируют море, а море это путь. Море это не преграда, гово-

рит Мэхэн, море это дорога. И если ты контролируешь дороги, то ты контролируешь, собственно говоря, все. Ты контролируешь мировую торговлю. В английской военной доктрине было записано, что английский флот должен превосходить, как минимум на треть, флоты всех континентальных государств вместе взятых. То есть, если они даже все соберутся, по какой-то причине, зададут себе вопрос, а что это Англия нами правит, и решат: ну-ка, мы ее победим. Так вот, если даже они все соберутся, то флот Англии должен быть больше, он должен быть в состоянии их разбить, и контролировать мировую торговлю, пути из порта в порт. Если ты их контролируешь, то ты взимаешь, как говорится, с них дань, взимаешь какие-то налоги. Можешь их всегда пограбить, если они не готовы платить деньги, как собственно пираты это и делали. Или защищаешь от пиратов. Но, тем самым, ты имеешь свой процент с каждой сделки в этом мире, то есть все купцы, которые едут куда-то и что-то везут, чем-то торгуют, они тебе платят. Ну, разве плохо?! Вот за счет этого мирового могущества, собственно, Англия поднялась, и это стало для Мэхэна основанием утверждать, что вообще, в принципе, морские державы они круче, чем все сухопутные державы. Сухопутные, они где-то там долго ходят, у них нет предпринимательского духа, они несвободны, не открыты, в них там какой-то тоталитаризм. А вот у нас, в морских державах, свобода, открытость, предпринимательство и, так сказать, морской дух победы, и мы контролируем все пути

и коммуникации. Статьи Мэхэна были напечатаны, тогда их уже прочел Маккиндер, в свое время, который писал то, о чем я говорил. Но Маккиндер уже тогда выразился довольно скептически по отношению к концепции Мэхэна. Он сказал, что согласен с этим общим разделением, о чем он собственно и сам Маккиндер говорил, на мировой остров, на мировую сушу, на разделение на морские и континентальные державы, но не согласен, что автоматически существует превосходство морских держав над сухопутными. Да, конечно, Мэхэн, правильно говорит, что морская держава имеет определенные преимущества в торговле, в контроле над коммуникациями. Но для того, чтобы строить флот ты должен все равно иметь на суше, на своем острове, развитую промышленность, ты должен все равно опережать всех, хотя бы во флотоводческом искусстве, построении самых современных кораблей, то есть, технологическом развитии. У континентальной державы тоже много ресурсов, для того чтобы иметь развитые технологии, в конце концов они тоже корабли могут построить, у них у многих есть выходы к морю. Понятно, что Мэхэн говорит, что мы не просто должны быть морской державой с флотом, мы должны лидировать на мировой суше, контролировать все порты. Мы должны контролировать ее по периметру, по сути, по тому же самому полумесяцу, о котором говорил Маккиндер. Будем огибать со всех сторон материковую сердцевину, и контролировать порты. Если мы их контролируем с помощью своего флота, через них же осу-

ществляется торговля, то мы, собственно, контролируем и все остальное. Но это не всегда может получиться. Простой пример, Римская империя, сухопутная, в значительной степени. Основные войны были там на суше и, в общем-то, сила римлян была все-таки в легионах в этих римских знаменитых, а вовсе не в кораблях. И наоборот, Карфаген. Карфаген, который был, по сути дела, морским городом-государством, который контролировал средиземную торговлю. Он постоянно мешал римским кораблям, римской торговле. Ну и постоянное вмешательство привело к тому, что война между Римом и Карфагеном возникала в итоге. Несмотря на прекрасные полководческие таланты того же Ганнибала, например, несмотря на это, все равно римляне победили Карфаген и разрушили его, уничтожили, и стали контролировать морскую торговлю. Вот простой пример, который опровергает теорию Мэхэна, что всегда морские державы будут побеждать... Отнюдь не всегда. Сухопутные могут взять, сконцентрироваться и победить. Если дальше в историю посмотрим. Крито-микенская культура в Греции. Остров Крит. Он контролировал все Средиземное море. Но пришли греки с Балкан, протогреки, естественно, ахейцы там всевозможные, и они разгромили крито-микенскую культуру, пришли на ее почву. И потом сами стали морской державой, своего рода. Самый свежий пример, это Британия. Этот пример связан с нашей историей, обязательно его нужно взять. Британия, когда становилась владычицей морей. Это прекрасно осозна-

вали, прежде всего, это осознавал Наполеон в свое время, когда произошла революция во Франции. Кстати, не без участия англичан, не без их поддержки Франция была заражена революционными какими-то вещами. Причем Англия помогала одновременно революционерам, и вроде бы за монархию выступала. То есть, задача была в том, чтобы гражданская война шла как можно дольше, ослабляя Францию. Но когда все это кончилось, пришел Наполеон. Он был великим стратегом и геополитиком, он сразу понял, что сила Англии держится на ее флоте. И у него возникла идея объединить континентальные государства, для того чтобы устроить блокаду Англии. То есть, если мы ее блокируем, и подвоз товаров и всего остального на остров прекращается, то режим падет и никакой Англии, как великой державы, не будет. Большую часть работы Наполеон сделал сам. То есть, он просто захватил все континентальные державы для того, чтобы они, подчиняясь ему, присоединились к блокаде. И в Испанию был поход, и Италия была подчинена, Австрия и Германия и все остальные. Он все захватил. То, что он не захватил, это Россия. Она далековато. Но он вступил в отношения, дружеские отношения, с нашим императором Павлом, которому объяснил, что союз против Англии, союз Франции-Германии-России, то есть всех континентальных государств, губителен для Англии. А Англия является самой вредной для нас всех страной. Павел смотрел на жизнь несколько по-новому. Тут нужно понять, что его мать, Екатерина, она мало

того что пришла к власти при поддержке англичан и в целом никогда не вредила англичанам в своей политике, и старалась с ними как-то договариваться. Но она, конечно, была очень испугана творящимися во Франции революционными событиями. Она же все-таки монарх. А там монархам головы рубят, революции всякие обычно не нравятся монархам. И поэтому она косо смотрела на Францию. Павел, увидев, что Наполеон, по сути дела, реставрировал монархию, что он ушел от этой революции, что он сам стал почти императором, не боялся революционной заразы, которая может проникнуть и в Россию. Он спокойно пошел на этот союз. Сначала он тоже конечно дрался, помните, Суворов ходил в Италию, потом был переход через Альпы. А потом Павел пошел на этот союз и понял что это очень удобно. Более того экспедиционный корпус отправился в Индию. Павел отправил в Индию экспедиционный корпус, который должен был, как минимум, до Индии дошел бы он или нет неизвестно, но захватить государство типа Бухарского ханства, Афганистана, Пакистана. То есть, чем дальше до Южного моря он дойдет, тем удобней будет разговаривать с англичанами. А это их колонии. То есть, мы посягнули на их колонии. Что случилось после этого с Павлом, мы все помним. Английский посол был непосредственным организатором убийства императора Павла. Императора Павла убили, задушили. После этого пришел Александр II, который тут же начал вести проанглийскую политику. Он поссорился с Наполеоном, он

вступил с австро-венграми в союз, он начал вести против Наполеона кампанию, он перестал блокировать Англию. В конце концов, он проиграл Аустерлицкую битву, подписал Тильзитский мир, то есть, Наполеон его принудил к тому, чтобы он все-таки присоединился к блокаде. Но Александр нарушал этот договор, все равно с Англией взаимодействовал, торговые операции вел. Ну и Наполеон собственно, заявил, что, мол, Россия сама виновата, видит Бог, я не хотел на нее нападать, но поскольку она нарушает условия мира, блокады и всего остального, то он объявляет войну и вторгся сюда. То есть, по большому счету англичане добились того, что они поссорили две континентальные державы убийством Павла. Что получилось из этого? С нашей стороны погибло огромное количество людей. Французская сторона была полностью разгромлена по итогам, мы вошли в Париж. То есть, все пострадали, а победителями вышли, опять, одни англичане. Все красиво у них. На самом последнем этапе войны, когда мы уже разгромили Наполеона, когда уже 500 тысяч человек, которые вошли в Россию, бежали позорно, были уничтожены, и только 80 тысяч человек вернулось из 500 тысяч. Тут откуда ни возьмись, появляются англичане и говорят, что мы тоже победители и при Ватерлоо участвуют в победном бою, в победном сражении, и потом делят вот этот вот самый мир. То есть, виртуозная операция английской дипломатии, английских военных. То есть, это как раз показывает нам, что вообще-то говоря, Англия находилась на гра-

ни вот этой блокады и возможности того, что морские державы ничего бы не победили. Континентальные могли с ними справиться. То есть, урок всем: континентальные державы должны сохранять единство между собой, для того чтобы противостоять морским. А морским, соответственно, нужно разделять и властвовать. Совершенно две разные, принципиально, стратегии. Для континентальных держав полезен мир, объединяющие скрепы, единство, провозглашение и акцентуализация внимания на чем-то общем между народами. А морские державы, для того чтобы выжить, обязаны сеять войны, они обязаны сеять разруху, они обязаны сеять смерть, они обязаны сеять противоречия между всеми. И вот этот цинизм морских держав, прежде всего Англии, он собственно, сохранился до сегодняшнего дня. Они легко могут сбить «Боинг» какой-нибудь, как мы только что видели, кого-то в чем-то обвинить, например, Россию, кого-то убить, вот как с Павлом это было. Это в традициях, потому что это, собственно, является залогом их выживания, вообще как такового. Иначе, если ты не будешь этого делать, тебя захватят, и ты погибнешь. Поэтому совершенно цинично Англия поступила, когда Англия в XX уже веке уходила из своих колоний, по итогам Второй мировой войны, по итогам восстания в Индии, под руководством Ганди. Англичане были вынуждены уйти, там была война за независимость, мирная война, то есть, просто отказались индийцы англичанам подчиняться. Сели и сказали: «Мы не будем подчиняться. Все, до сви-

дания!». Англичане поняли, что не уничтожишь же сотни миллионов человек, просто поняли, что нужно давать независимость. Так вот, когда они давали независимость, они так поделили Индию на штаты, и в том числе не только штаты, еще есть Пакистан как государство, максимально неправильно поделили, чтобы получилось, что разные народы живут в разных штатах, за границами. Для чего? Для того чтобы между ними всегда была вражда. Вот они ушли, а вражда остается. Вечный спор останется: вот здесь это наша, а это не наша территория. И это для того, чтобы англичане всегда могли вернуться и вмешиваться. Англичане – третейский судья. Мы, англичане, знаем, как с вами поговорить, и с ними, и с другими, и с третьими, и так далее. То же самое творилось на Ближнем Востоке. Не буду сейчас все рассказывать. Но там где нефть, эти арабские сложности, кланы. Кто от пророка Мухаммеда происходит, кто еще откуда-то происходит. Много разных династий, много разных стран, много разных племен, которые кочуют по пустыне. Все было поделено так, чтобы максимально играть на этих противоречиях, чтобы потом всегда иметь возможность натравить одних на других, одну династию на другую, один народ на другой, и всегда быть третейским судьей при этом. Ну и попутно получать нефть, естественно, для своих заводов, танкеров, для всего.

Вот две теории, про которые я сказал. Но есть у геополитики как бы третий отец-основатель, который занимает,

опять-таки, принципиально другую позицию по отношению к вышеназванным Мэхэну и Маккиндеру. Это Карл Хаусхофер, немец. Поскольку он родился в Германии, родился на континенте, то он, естественно, рассуждал с позиций континентальной державы, немецкой державы. И вот он, признавая опять-таки разницу между морскими державами и континентальными державами, и стоя на позициях континентальной державы, как раз сформулировал те основные принципы, при которых континентальная держава может владеть, или, скажем, господствовать, или навязывать свою волю морским державам. Это, как я уже говорил, некий мир между этими державами. И он говорил о триединой оси. Это Берлин – Москва – Токио. Он назвал Токио, поскольку японская империя в значительной степени влияла и на Китай, и на Манчжурию. Это сильнейшее государство того мира. Вот он считал, что это сила. Жил бы он попозже, он, наверное, назвал бы Пекин. Пекин – Москва – Берлин. То есть, Германия, по его мнению, контролирует Европу, Россия контролирует Восточную Европу и большую часть Азии. А Тихоокеанскую Азию контролирует, в том случае, Токио, а в другом случае – Пекин. И вот если эта ось будет собрана, то таким образом, материковая сердцевина будет собрана, она едина, и она в состоянии от диктата морских держав, прежде всего Англии и Америки, полностью избавиться. Следующим фактором победы континентальных держав Хаусхофер считал развитие технологий, в частности развитие авиации.

Смотрите, как интересно движется, вообще, наука геополитика. Если Маккиндер сфокусирован на земле, то есть, кто владеет землей, твердым, тот владеет миром. Мэхэн говорит: «Нет. Тот, кто владеет морем, водой, тот владеет миром». И тут приходит Хаусхофер и говорит: «Нет. Тот, кто владеет воздухом, владеет миром». Понимаете, все стихии как бы берутся. «Мы будем владеть воздухом», – заявляет Хаусхофер. Авиация, которая способна летать и над морем, и над сушей, и которая способна преодолевать огромные расстояния, тем самым сушу и море делать меньше. Потому что когда ты пешочком идешь по суше или на корабле плывешь, это долго. Когда на самолете летаешь, у тебя, как бы, все пространство сжимается. Ты можешь бомбить порты, ты можешь бомбить корабли, ты можешь перелетать на острова. Для тебя не существует мировой суши и мирового океана, то есть весь земной шар становится маленьким. То есть развитие авиации является ключевым моментом и это выход для континентальных держав. Во-первых, они сокращают расстояние, во-вторых, в принципе, эти самолеты, они не требуют какого-то базирования, морского, например, как порт. Порт только на море может стоять, а самолет ты можешь где угодно поставить. Поэтому когда морские державы контролируют твои порты с помощью, какого-то полумесяца, или еще чего-то, это не так страшно, как раньше. Порты ради Бога, пускай контролируют, а мы понастроим аэродромов и разбомбим все что угодно. Хоть на территории острова, хоть на тер-

ритории порта, хоть в море непосредственно. Поэтому господство в воздухе является залогом всего, а господства в воздухе легче добиться именно континентальным державам, потому что у континентальных держав есть ресурсы. Вот теория Хаусхофера, которая стала, в значительной степени, влиятельной, в значительной степени повлияла на Гесса, Гитлера, Геринга. Потому они и пытались строить некую эту ось между Берлином, включая сюда Италию, включая сюда Турцию, включая сюда Россию, когда, в том числе, шли на пакт о ненападении, пытались строить и союз с Японией. Другое дело, что сам Гитлер был в душе англофилом, и это чувствуется по его книге «Майн Кампф», и он считал, что лучше разделить мир между Англией и Америкой и Германией, которая захватит ту самую, мировую сердцевину. А чтобы захватить и контролировать мировую сердцевину, нужно захватить Россию. То есть, не в союзе быть с Россией, а просто ее себе подчинить, а уже потом разбираться с Англией и со всеми остальными. То есть, это собственно, его погубило, потому что никто не отменял законы этой самой геополитики. То есть, всякий, кто покушался на мировую сердцевину, он, в общем-то, находил свой бесславный конец. Мы вспомним историю России, мы обнаружим, что нас пытались захватить поляки, и дошли даже до Кремля, Москву брали, но все равно все плохо для них кончилось, мы победили их. До поляков, крымский хан, крымские татары, доходили и пытались уничтожить наше государство. Это кстати было при

Мамае. То есть Мамай хотел уничтожить нашу государственность, он был крымским темником, и в битве на Куликовом поле проиграл. Потом когда был крымский хан Гирей, в битве при Молодях мы тоже победили его. Хотя он шел для того, чтобы полностью уничтожить Москву. Проиграл. Шведский король Карл шел на нас, под Полтавой проиграл. Наполеон проиграл. Гитлер сунулся, опять проиграл. Всякий кто покушается на нас, он проиграет и это не просто так. Это закономерно. Дело в том, что ресурс вот этой вот мировой сердцевины, которую контролирует Россия, он, во-первых, очень огромен. Вот эти самые огромные расстояния, дороги и так далее. Очень важно, что у нас защищен север, нам никто не ударит с тыла. Все кто на нас нападал, они имели определенную уязвимость. Например, та же Германия, ей всегда приходилось воевать на два фронта. То Франция где-то в тылу, то какая-нибудь Англия где-то в тылу, то Италия, то Америка, то другие страны европейские. И чуть что... Тебе нужно, во-первых, держать какие-то гарнизоны, чтобы защищать тыл. Хоть Наполеону нужно было держать гарнизоны, хоть Гитлеру. Ты не можешь бросить все силы. Все равно нужно контролировать тыл. Во-вторых, ты знаешь, что как только ты проиграешь здесь, всегда возникнут какие-то люди там, которые поднимут восстание, которые будут бить тебе в спину. Им нападать чрезвычайно тяжело. Нам защищаться гораздо легче, потому что мы имеем защищенный тыл, мы можем отступать, можем наступать, как бы дышать. Время со-

бирать камни, время разбрасывать камни. Но у нас есть вот эти расстояния, которые очень трудно преодолеть и которые очень трудно контролировать. Поэтому, собственно, как я и говорил, с Гитлером произошел вот этот закономерный итог. Невозможность взять эту самую мировую сердцевину. Хотя были причины поражения Гитлера и другие, в том числе идеологические и о них я скажу после.

После Второй мировой войны появились новые теоретики геополитики. Прежде всего, нужно отметить Спайкмена. Это человек, который на современном уровне, используя современную ему послевоенную ситуацию, пытался по большому счету в тех же терминах осмыслить текущую ему ситуацию. Он ввел понятие римлэнд. То есть кроме хартлэнда, римлэнд. Но по сути дела этот римлэнд совпадает с тем, что Маккиндер называл полумесяцем. То есть это контроль над портами, контроль над побережьями большого острова. То есть со стороны морских держав мы должны контролировать побережье. То есть когда американцы сразу после войны начали конфликт в Корее, во Вьетнаме. Естественно захватили и полностью поддержали восстановление Западной Европы. То есть он сказал, что мы должны окружить Советский Союз, мы должны запереть его в этих самых границах. Поэтому войны в Индокитае, в Корее, поэтому отделение Европы.

Дальше мы создали атомные бомбы. И Советский Союз, и Америка. И возникла новая геополитическая ситуация, возможность нанесения друг другу так называемого неприемле-

мого ущерба. То есть ущерб таков, что он, по сути дела, подрывает экономическую, политическую и прочую мощь государства. Почти его уничтожает. Бомбы были опробованы американцами на Японии. Было видно, какова их разрушительная сила. И конечно, никто не хотел, чтобы бомбы, которые были еще мощнее, и которых было еще больше, упали бы на территории наших стран. Возникла патовая ситуация. Карибский кризис показал, обе стороны хоть и ввязались в противостояние, но крайне не хотят, чтобы это противостояние развивалось дальше, и они отошли от военного противостояния друг другу. Хрущев и Кеннеди нашли способ договориться так, чтобы мы ушли с Кубы, а они ушли из Турции. И в итоге патовое состояние возникло.

Вот эту ситуацию описывает следующий геополитик – Майнинг. Майнинг ввел понятие культурной экспансии. То есть, по сути дела, у него у первого содержится намек на теорию холодной войны. Что если мы и должны как-то влиять друг на друга, морские державы, сухопутные, противостоять как-то в мире, и вообще сила государств, она зависит уже не от земли, не от воды, не от воздуха, а от культуры. От культурного влияния. То есть сила кораблей, сила танков, сила пехоты, в этом мире начинает играть меньшую роль, потому что атомная бомба не дает их применить. Мы можем делать мелкие столкновения чужими руками, как это было во Вьетнаме или в Корее, но глобальное изменение в мире может быть только за счет культурного влияния. И Май-

нинг говорит о том, как Америка должна побеждать в холодной войне. Она должна закрепить свое культурное доминирование, культурные коды, свою идеологию. Морским державам и Мэхен и Майнинг приписывали атрибуты рыночности, демократичности, предпринимательства, свободы, либерализма. И поэтому, вот эти ценности, которые как бы есть у морской державы и у морского духа должны навязываться прежде всего по всему побережью, по всему миру. Майнинг также ввел несколько понятий, разделений в геополитике как науке. Он разделил все государства на стержневые, переходные, бурлящие и неудачные. Стержневые государства это те которые, по мнению Майнинга являются самыми передовыми государствами мира и в которых наиболее полно отражен тот дух о котором он говорил. То есть свобода, предпринимательство, цивилизация, технический прогресс и так далее. Это понятно, Америка, Англия конечно, в значительно степени это страны Западной Европы. Дальше переходные. Переходные страны, это те страны, которые имеют шанс достигнуть вот этой самой цивилизованности, стать стержневыми. Это Япония, которой помогали, это Израиль, который тоже при помощи Америки, какие-то страны, стремящиеся к этому в перспективе, какой-то, возможно, Китай, с которым тогда Никсон договор заключал. И возможно, в перспективе Советский Союз, если он будет культурно подчинен этим всем странам. Бурлящие страны, или горящие страны, это те в которых по различным причинам существуют постоян-

ные какие-то конфликты. Это Ближний Восток, арабо-израильский конфликт. Это индокитайские какие-то конфликты. Это постоянные перманентные конфликты в Африке. Ну и в Латинской Америке периодически какие-то конфликты возникали. И наконец, неудавшиеся государства, это те которые пытались создать некую государственность или еще что-то, но у которых ничего не получалось. Но на тот период это была, если не ошибаюсь, Албания, и еще ряд латиноамериканских и африканских стран, он называл. Страны, которые держались на марионеточных режимах, на помощи других государств, по сути дела, а сами были квазигосударствами. Сегодня термин «неудавшиеся государства» применяется ко многим, например к той же Ливии, Ираку, которые пытались что-то построить. И вот Украину сейчас называю неудавшимся государством.

В дальнейшем геополитика как наука не претерпевала революционных изменений на Западе. Вот известный геополитик Бжезинский, который написал несколько книг, самая знаменитая из которых «Мировая шахматная доска». Это не человек уровня Маккиндера, или Мэхэна, или Спайкмена, или Майнинга. Это человек, который берет их категории, которые я уже вам перечислил, и просто применяет к текущей политической ситуации, советуя как поступить в том или ином случае, той или иной американской или английской администрации. В принципе, для него, для Бжезинского, категории, которые введены всеми, они остались теми же самы-

ми. Он естественно рассуждает с позиции мирового острова, с позиции Америки, или с позиции англосаксов. Мировая суша для него является мировой шахматной доской, на которой нужно играть американцам и англичанам так, чтобы ссорить между собой различные страны, проводить границы, искать каких-то союзников, временных. Делать все, чтобы эта материковая сердцевина никогда не стала единой и никогда не могла оказать Англии и Америке какое-либо сопротивление. Поэтому все его советы, они собственно связаны с контролем над вот этим римлэндом. То есть он говорит, чтобы нам играть на мировой шахматной доске, у нас есть на Востоке непотопляемый авианосец Япония, наш стратегический главный союзник. Он должен рулить Востоком, Кореей, Китаем. Поскольку он самый богатый, то мы влияем через него на все. Есть Тайвань, кусочек отколовшегося Китая. Тоже наш союзник. Вот мы, таким образом, влияем на эту сторону. В крайнем случае, мы там еще какого-нибудь союзника себе найдем, типа Южной Кореи, которая тоже будет влиять. Вот мы поставили фишки на этой доске таким образом. Теперь как мы будем влиять на западной стороне. Ну, у нас, конечно, есть Англия, которая влияет на всю Западную Европу. Блок НАТО, который влияет на эту самую часть. Союзником он видит Польшу, поскольку сам из Польши происходит. Польша главный союзник в Европе в борьбе с Россией. На Ближнем Востоке союзник Израиль, который тоже влияет на все. То есть, мы везде расставляем на этой доске ка-

кие-то свои фишки, и таким образом через этих союзников и партнеров сдерживаем Россию, которая по определению является врагом. И самое лучшее, что с ней может произойти, нужно чтобы произошло, чтобы она была максимально раздроблена на большое количество государств. То есть цель, которая объявляется последние двадцать лет американскими геополитиками, состоит в том, чтобы максимально раздробить Россию. Во-первых, максимально ослабить ее. Во-вторых, превратить ее в некую черную дыру, которая не приносит никаких хлопот. Есть некое нищее население, которое занимается своими перманентными выборами, перевыборами, дерется друг с другом. Национальные конфликты, социальные конфликты, бедные на богатых, богатые на бедных, черные на белых, белые на черных. В общем, что-то вот такое. Какая-то каша, которая никак не занимается геополитикой, то есть отсутствует как геополитический игрок. Что значит геополитический?

Геополитический игрок, это тот который принимает во внимание в своей политике Землю, гео. То есть, если ты геополитический игрок, ты рассуждаешь с позиций всей Земли. Если ты не геополитический игрок, ты рассуждаешь с позиций только своего внутреннего государства. Это очень важно, иметь это геополитическое мышление. Если вы посмотрите на нашу оппозицию сейчас, вы обнаружите очень частый, почти всегда возникающий ход с их стороны. Они начинают говорить: «А вот у нас, в России, например, что-

то, плохо». Экономический рост, например, стал хуже, у нас там зарплата перестала расти, или выросли какие-то цены, или еще что-то такое. Логичнее, для меня, как человека, который мыслит геополитически, всегда спросить: «Все познается в сравнении», – говорю я. – В мире 200 стран, 180 из них как минимум живут хуже России. Более того, даже те страны, которые вы считаете образцом, например Япония, богатая, прекрасная, замечательная. 20 лет нулевой экономический рост в среднем. Западная Европа, ваша любимая, почти нулевой экономический рост сейчас... В Америка 1-2-3% в лучшем случае добиваются, прямо как в СССР в «эпоху застоя». Вообще мировой кризис везде идет. Большое количество стран, где никакого роста нет, где есть падение. И вообще если взять последние десять лет, по темпам экономического роста Россия как раз в первой десятке. И вот тут начинается: «Ну что вы там рассказываете про Америку, что вы нам говорите про Европу. Что нам Япония какая-то? Вы нам отвечайте за Россию. Зачем нам весь мир, зачем про это говорить?». А мы разве не часть мира, хочется задать вопрос. Почему вы так упорно хотите нас заставить мыслить категориями своего угла, почему вы не хотите, чтобы вы мыслили геополитически, как это делают американцы те же самые, англичане, про которых мы говорим. С позиции всей планеты. Почему вы нас загоняете в инфантильную ситуацию? Почему я называю ситуацию инфантильной? Потому что мне это напоминает подростка. Когда подростку 12–13

лет он же мира не знает, страны не знает, в этом ни в чем не разбирается. У него в принципе во всем виноваты родители. Потому что если мне джинсы не купили, ну папа с мамой, предки, такие-сякие отказали мне в джинсах. Он не вникает, что папа не может зарабатывать миллионов, он не Абрамович почему-то, мама тоже не Абрамович. Или еще какая-нибудь проблема, психологические какие-нибудь напруги. У родителей, может быть, карьера не складывается. Может у них там какие-то на работе проблемы есть. Между собой какие-то проблемы есть и так далее. Подростку на все на это наплевать. НЕ Абрамович ты папа? Ну плохо, папа, что ты не стал Абрамовичем, ты лох значит... У подростка в любом случае виноват ближний. Поэтому против родителей, прежде всего, идет этот протест. Потом, конечно, человек вырастает, когда ему становится 18 лет и больше, он понимает что родители это тоже часть мира, это не боги, они не всемогущи, они сами живут в этом мире, довольно сложном, и им тяжело решать и свои проблемы и еще проблемы детей и проч. То есть, они просто обычные люди и не надо с них спрашивать за весь мир. Мир очень большой. Но когда человек выбрался из ситуации вот этой своей семьи, еще не значит что, он стал взрослым, потому что, по сути дела, вместо родителей он точно также начинает критиковать власти своей страны. Он говорит, что ладно, папа и мама теперь не виноваты, как в 13 лет, что джинсов у меня нет. Но теперь Путин виноват, власти виноваты. А почему они не сделали,

чтобы мы все жили богато, чтобы у нас все в стране было зашибись? Почему у нас дороги плохие, почему у нас что-то неправильно делают? Почему воруют? Кто за все отвечает? Да Путин за все отвечает! В прежние времена это был Брежнев или Горбачев.... Юноши не видят дальше своего носа. Если мы плохо живем, или есть какие-то проблемы в стране, вот она виновата, эта самая власть. И враги наши поддерживают вот этот инфантильный способ мышления. Потому что на самом деле этот ребенок не повзрослел, он только вышел из своей семьи, но он в масштабах страны исповедует ту же самую логику. Почему он не подумал обо всем мире в целом, почему он не сравнил Россию с другими. Не посмотрел на динамику. Стали жить мы лучше или хуже? То есть, власть все-таки старается что-то делать или она только ухудшает положение? Если даже хуже стали жить, а давайте посмотрим все остальные лучше стали? А, если они лучше, а мы хуже, тогда может быть есть претензии к власти. А если еще с другой стороны посмотреть: все стали лучше, а мы хуже. Так может быть, просто они нас ограбили? Тоже можно задать вопрос. То есть, нужно смотреть на мир в целом, и если ты хочешь понять часть этого мира, ты должен понять сначала целое. То, как устроены вот эти геополитические процессы в этом мире. Если ты понимаешь логику всех субъектов геополитики, то тогда ты можешь понять, а что собственно может руководитель твоей страны. У него вообще коридор возможностей какой? Вот это он может сделать, а вот это он не

может сделать, по каким-то причинам, потому что ему будут мешать, и будет мешать весь мир. А вот здесь он сделал так, что это не заметили. Молодец! Плюс ему нужно поставить. А вот здесь он не сделал, здесь он ошибся. Тогда только ты можешь давать оценки... Когда же ты не смотришь на весь мир принципиально, а просто для тебя он существует в виде какой-то иллюзии, ты будешь заблуждаться: «Ой, типа я был», – как вот недавно Макаревич написал, «я был в Испании, все пьют вино, все замечательно, все красиво и что нам рассказывают про кризис?». Наверное, там пьют вино и все замечательно, но есть статистика. Давай ее изучим и посмотрим. И обнаружим, что 50 % молодежи безработные, 25 % вообще безработица как таковая, по всей Испании, что страна имеет отрицательный экономический рост, что от страны пытается отсоединиться Каталония, то есть серьезные сепаратистские тенденции. Долг равен 100 процентам ВВП. В Испании масса всяких проблем. Если ты научно пытаешься к этому подойти и понять, то ты легко можешь это сделать. А если ты по принципу неких иллюзий «а там у них хорошо, а у нас плохо, значит надо нашу власть сменить, а тех вот слушаться», то это просто на уровне детского сада. Сказочку какую-то рассказали, картинку показали. На уровне каких-то дикарей, которым дают бусы и забирают у них золото. Вот точно также поступили с Украиной, когда сказали, что вот смотрите какая красивая Европа, вот сейчас вы подпишете соглашение об ассоциации, и вы будете жить хорошо. На са-

мом деле вот что получилось с этой Украиной, мы все видим.

Теперь я бы хотел посмотреть на наш русский вклад в геополитику. Мы сейчас говорили о геополитике как движении в англо-саксонской мысли, ну может быть частично в немецкой, если Хаусхофера брать, в европейской, западной мысли. Но дело в то, что Россия тоже не лыком шита, она тоже рассуждала, она в то же время ко всему этому относилась определенным образом. А вообще-то говоря, материковая сердцевина-то – наша. А случайно ли это? Нет, не случайно. Мы, вообще-то говоря, на протяжении истории сумели создать величайшую империю, и контролируем ее до сих пор. Наверное, мы все-таки не дураки? У них там много теоретиков, но, наверное, и у нас что-то есть, и имеет смысл посмотреть, а что это такое, что у нас есть, прежде чем говорить, что вот, мол, они такие умные, нас как хотят разводят как лохов, а мы только пассивные жертвы разводов.

Во-первых, в XIX веке возникли некие наши публицисты, мыслители, которые пытались осмыслить опыт нашей истории. Они не называли это геополитикой, хотя они осмыслили это почти в тех терминах. И первое, что они противопоставили, это противопоставили Россию и Запад. И показали, что Западные империи и Российская империя строятся на совершенно разных основаниях. Совершенно по-разному они строятся. Пожалуй, за исключением, и то оно почти не является исключением, такая переходная Австро-Венгерская империя. Я про нее отдельно скажу. Она похожа на рос-

сийскую тем, что тоже была многонациональной. То есть в Австро-Венгерской империи кроме немцев, евреев, мадьяр, славян различных видов, чехов, словаков, лужичан и так далее, жило очень много национальностей. Они имели, к сожалению, разные права, и это как раз делает ее похожей на другие западные империи, но принцип существования Австро-Венгерской империи, он сформулирован был так, подходил в еще большей мере для Российской империи, чем для самой Австро-Венгерской империи. А принцип был такой: «Пока другие воевали, мы женились». Действительно, Австро-Венгерская империя Габсбургов возникла через династические браки, через присоединение различных княжеств к этой империи, не путем завоевания. Россия в значительной степени расширяла свою имперскую мощь тоже не путем завоеваний. В основном это была христианская проповедь. То есть приходили, проповедовали всевозможным диким племенам, рассказывали о Библии, прежде всего сами люди, которые приходили, являли собой пример христианской нравственности. То есть, против этих людей не хотелось воевать. Приходят купцы и ведут свои дела честно, так что туземцы не обижаются на них, они рассказывают про своего Бога, про Христа, и это им интересно, и они видят в этом некую высшую ступень религиозного сознания, чем в своем язычестве. Да были какие-то войны, столкновения. Но они тоже были честными. **А самое главное, даже если мы и воевали, самое главное что, побежденный нами получал ровно**

то-же самое, что победитель. Понимаете, какой интересный эффект. То есть, идет война, мы побеждаем, и вот тот побежденный получает приз. А именно, ровно то-же самое, что есть у победителя. Это уникальная вещь, которой не было ни в одной империи. То есть те побежденные нами народы, включенные в нашу империю, получали те же самые абсолютно права, что все. Что-нибудь подобное было в других империях? Ничего подобного близко даже не было. То есть если англичане побеждают Индию, она становится колонией, ее выкачивают, выдаивают, продают там дешевые ткани, рушат их производство, там миллионы умирают от голода, потому что это не люди. Продают в Китае опиум, там умирают эти люди, пожалуйста, ничего страшного. Если китайцы запрещают опиум продавать, мы их разбомбим, расстреляем. Можем, кого угодно вырезать, как была вырезана вся Северная Америка, всех индейцев. Кого водкой споили, кого так уничтожили, потому что это не люди. Ничего подобного у нас не было. У нас тоже туземцы пили водку, но у нас царь специально запрещал продавать им водку, зная, что монголоидная раса больше подвержена алкоголизму. У нас специально действовали в империи такие законы, которые даже освобождали от налогов туземцев. Даже часто побежденные жили лучше, чем победители. Вот простой пример, Грузия. Такова уж специфика была, что в Российской империи сословие аристократии составляло один-два процента людей. В Грузии, там же каждый – князь, там десять про-

центов было князей. Вот есть у тебя пять баранов, ты уже князь, деревня у тебя, ты уже князь. Всем этим людям, когда была Грузия полностью присоединена, всем оставили их княжеское достоинство, то есть они все стали автоматически князьями, равными нашим князьям. В Польше шляхта 15 % от населения составляла, все польские шляхтичи автоматически стали дворянами с полным правом нашего российского дворянства, 15 процентов населения. Что у нас своих что ли 15 % не было, чтобы их тоже князьями и баронами назначить? Можно ли себе представить... Конечно, Советский Союз это уже не Российская империя, но в значительной степени ее продолжение и по традициям, и по своему подходу. Можно ли себе представить, что из какого-нибудь захудалого индийского штата какой-нибудь нищий сын сапожника стал бы премьер-министром Англии? Невозможно. А сын сапожника, огрузиненный осетин Сталин, спокойно возглавил Российскую империю, всю материковую сердцевину! Пожалуйста, абсолютное национально меньшинство... Татары? Пожалуйста. Сколько татарских родов было на службе царской. Тоже никаких вопросов. То же самое с тувинцами, с бурятами, со всеми остальными. Эта традиция была продолжена и в Советском Союзе. Прекрасно жила Прибалтика, прекрасно жили все восточные страны, самая дорогая богатая республика, Грузия была, в которой если у тебя нет «Волги», машины, значит ты не грузин. Поэтому развивали все так называемые национальные окраины, эта традиция была

еще традицией царской России. Вот таким образом эта империя строилась. И она строится на своем культурно-историческом типе. Она культурно-исторически является христианской, как считали наши славянофилы, и в этом смысле она крайне отличается от Запада.

Наш первый, если можно так выразиться, геополитик Данилевский, который написал книгу «Россия и Европа», во-первых, ввел понятие культурно-исторического типа. Он сказал, что человечества как такового не существует, это абстракция, есть разные культурно-исторические типы, и вот что можно назвать русским типом, это отдельный культурно-исторический тип, полностью отличающийся от западно-европейского типа. Мы по другому строим культуру, общество, экономику, политику, у нас все другое. Поэтому мы с ними никогда не сойдемся, мы всегда будем как бы воевать и наши интересы, зачастую, противоположны. Поэтому увлечение нашей культуры западничеством по сути дела несет огромный вред России. То есть, когда мы вещи, которые у них полезные, принимаем у себя, они оказываются вредоносными для нашего культурно-исторического типа. Как говорил Суворов: «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Вот как бы и наоборот, что немцу хорошо, то русскому смерть. Вот та мысль, которую хочет подчеркнуть Данилевский. Данилевского любили и Достоевский, и Струв, и Гумилев – основоположник Евразийства его цитировал. Евразийство это как раз вот это течение, которое соб-

ственно настаивает на том, чтобы есть особый евразийский тип... Почему он евразийский, а не просто русский? Потому что у нас смесь разных наций и народов, потому что мы очень толерантны. Это у них в Европе мода на толерантность последние 20–30 лет, а у нас тысячу лет эта толерантность. Мы вместе живем с разными религиями и народами, и поэтому мы не должны подчеркивать некий свой национализм. Если мы начнем подчеркивать национализм, и говорить что какая-то нация лучше всех, а все остальные непонятно кто, то получится то же самое, что уже разрушило ни одну империю. Византийская империя рухнула, когда эллины сказали, что мы – греки, а вы армяне, македонцы вообще непонятно кто. Поэтому начались конфликты, клановые войны, ослабление, а потом и разрушение Византийской империи. Австро-венгерская империя, та же самая ситуация. Немцы кичились тем, что они немцы, что они самые дисциплинированные, ученые и так далее. А всякие славяне, цыгане, это всякое непонятное быдло. Это в итоге привело к ненависти славян к немцам, к их нелояльности. И когда вроде бы большая Австро-венгерская империя в Первой мировой войне напала на ту же Сербию, она не смогла справиться. Сербия была монолитной, очень отчаянной и доблестной, а тут был сброд в австрийской армии, который не понимал, зачем он воюет и каждому славянину не хотелось убивать славянина-серба. Мадырам тоже было непонятно, зачем они воюют, потому что они мечтали о своей отдельной Венгрии. Немцы были в

меньшинстве и видели, что другие не воюют, и соответственно тоже плохо воевали. Только на них покрикивали, тем самым увеличивая ненависть к себе. То есть армия оказалась небоеспособной. Так можно другие примеры приводить.

Национализм разрушителен для империй, поэтому национализма у нас быть не должно, поэтому говорили именно о евразийстве. О некоем специфическом коде культурном, который господствует именно у нас, на нашей Русской равнине и в Южной Сибири и Средней Азии. Евразийский тип человека, который не является националистичным. Как говорил Достоевский, «мы всечеловеки», как говорил Блок, «нам внятно все, и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Мы умеем понимать чужие нации, мы с удовольствием впитываем чужую культуру. Обама, как бы глашатай мира, сказал: «Мы исключительная нация». А мы можем ему в ответ сказать: «мы включительная нация». То есть, мы включали в себя все, у нас населения России, Московии, в войне, когда была война с Польшей, это начало XVII века, было 7 миллионов человек. Как получилось, что у нас к XX веку оказалось 150 миллионов, а потом Советский Союз, и 250 миллионов? Как получилось, что выросло так население? Не потому что плодились и размножались, а потому что включали в себя большое количество наций. Здесь было лучше жить. Сюда ехали итальянцы, сюда ехали немцы. Сюда ехали очень многие. Вообще в Российскую империю просились очень многие страны, и мы могли владеть всяки-

ми островами и кусками по всему миру, просто отказывались. Кстати говоря, и от своих окраин отказывались. Та же Грузия просилась в Российскую империю 15 раз. Украина, та еще, во время ее этих внутренних войн, она же тоже просилась несколько раз в Российскую империю. И только потом Хмельницкому разрешили воссоединение. То есть мы не стремились захватывать, мы понимали, что если мы покровительствуем кому-то, то мы не имеем права потом отказать от этого покровительства. Если уж ты взял брата к себе в семью, то ты потом не можешь сказать ему, что ты уже опять не брат, до свидания. То есть, это уже все, навсегда. Поэтому с очень большим трудом принимали, но уж если принимали, то до конца.

Еще один из геополитиков, если так можно сказать, Леонтьев, который провозглашал доктрину византизма. Он считал Россию преемницей Византийской империи, а она в свою очередь – преемница греческой империи. То есть если Запад – римский, если Запад от Рима унаследовал все свое, то мы унаследовали напрямую от греков, от Византии. То есть мы тоже как бы Европа, вроде бы. Вся Европа вышла из Греции. Все науки сейчас разговаривают на греческом языке, все основные понятие это греческие понятия, введенные когда-то давно. Все понятия политические – это греческие понятия. Культура, искусство, образцы – это греческие образцы. То есть там зародилась западная цивилизация. И потом эта Греция была захвачена Римом. Потом Римская им-

перия мутировала, раскололась на Западную и Восточную. Так вот, Западная – говорила на латинском языке и потом распалась под ударами варваров, а Восточная просуществовала еще тысячу лет. То есть Римской империи 500 лет, а тысячу лет еще Византийская империя существовала, гораздо больше, и она говорила на греческом языке. Константинополь был миллионным городом, когда европейские города насчитывали по 30 тыс. населения. Там был первый университет, там был самый большой христианский Храм в мире – св. София. Там были все святые, в том числе Туринская плащаница, там богатства было столько, что крестоносцы после разграбления Византии потом сделали у себя целую эпоху Возрождения. И культурно вся эпоха Возрождения стала возможна только после усвоения Европой византийской учености. Я уж не говорю, о том, что Европу заново научили мыться. Так вот, мы правопреемники Византийской империи, а не Римской, не латинской. И в этом смысле мы в гораздо большей степени Европа, гораздо в большей степени Запад, чем они. У нас право первородства есть. Мы как бы культурно более чистокровные, скажем так, с точки зрения Леонтьева. И, кстати говоря, великий философ XX века Мартин Хайдеггер, когда закончилась Вторая мировая война в мае 1945 г., он сказал, что то, что Россия победила Германию и вообще всю Европу, потому что на стороне Германии была вся Европа, это говорит о том, что не надо думать, что победили какие-то варвары, ватники и коммуни-

сты. Коммунисты, материалисты, которые думают, что материя первична, а сознание вторично, они никогда не пойдут на пулемет и не погибнут, потому что для материалиста свое тело материальное, оно важнее всего. А всякий там дух, всякие святые какие-то вещи, Родина, они как бы не существуют для нормального материалиста. Поэтому, над тем, что у нас была материалистическая – марксистская идеология, которая говорила, что экономика первична, Хайдеггер смеялся. Он говорил, что это собачья чушь. То есть это поверхностная вещь очень. Конечно, те люди, которые говорят, что экономика первична, которым лишь бы поспать да пожрать, они не будут тысячами гибнуть, это люди, которые не будут совершать подвиги, не будут умирать за Родину. Понятно, говорил он, что в России победил некий Дух, гораздо более глубокий и древний, чем Дух Западной Европы. Дух, идущий напрямую из Византии и из Греции. Поскольку это был более древний дух, более старший дух, более близкий к истоку западного мира, то есть греческий дух, чем разбавленный латинский, поэтому он и победил, своего, что называется младшего брата.

Кого еще хочется отметить кроме Леонтьева. Был у нас такой философ Федоров в XIX веке, который тоже рассматривал глобальные геополитические проблемы, самые масштабные, какие только могут быть. В частности, изучая гегелевскую, самую современную на тот момент теорию, которая говорила, что история человечества это некое приближение к

идеалу, к абсолюту, к концу истории, своего рода, и марксизм, который у Гегеля унаследовал именно это же, что история это такое движение к некоей точке, в которой, в конце концов, будет все хорошо, коммунизм настанет, Федоров задал себе такой вопрос: «А что же так получается, не по-христиански, что тысячи и миллионы жертв всей этой истории будут гнить в земле и страдать в аду, а плоды истории будут пожинать только какая-то горстка людей, которые будут жить в конце? Все тут умирали, был ужасный страх, голод, холод, войны кровавые, жестокость страшная, и все это для одних только потомков? Которые в конце истории будут жить при коммунизме и все у них будет хорошо, они будут счастливы, они будут творчеством заниматься, еды у них будет полно, тепло им будет, они будут наслаждаться. А вот им не стыдно будет наслаждаться, чисто так по-христиански, всем благолепием, зная, что это все держится на крови предков?». Это тот вопрос, который задавал в свое время Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых» у Достоевского. Он говорил, а что если во всем этом мировом прогрессе везде в основании лежит зло, если весь он будет замешан всего лишь на слезинке одного ребенка? Вот возьмешь ли ты этот прогресс, возьмешь ли ты это всеобщее счастье и Царство Божие на Земле, примешь ли ты его, если будешь знать, что в основе его лежит слезинка замученного ребенка? Ребенка, которого какой-то барин затравил для потехи псами. Ну, просто барин на охоте взял у крестьянина ребенка, который ему не

понравился и сказал: «А пусть его псы съедят». И псы его съели. А ведь в истории много таких случаев было, не говоря уже про страшные войны. Даже такое. И кто отомстит за этого ребенка? Вот коммунизм, вот Царство Божие на Земле. А внизу, в предшествующие эпохи было бы это все. Как решить эту проблему? Для западного человека нет никакой проблемы. «Мы в результате прогресса пришли к материальному благосостоянию, и мы никому ничем не обязаны». Для нас, для человека России, для христианина, для Федорова, это гигантская проблема. Проблема долга нашего отцам нашим. И он говорит: «Мы должны отдать долг отцам». А как мы можем отдать долг отцам? Мы должны сделать так, чтобы они тоже наслаждались этим счастьем. А как они будут наслаждаться этим счастьем, если они умерли? Значит, мы должны их оживить. И вот Христос воскрес, следовательно, это залог того, что все остальные тоже воскреснут и будут оживлены. Вот он поставил этот вопрос, он об этом сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.